

•
ЧЕСТНАЯ
ПРОЗА
•

**ДАНИЭЛЬ
ОРЛОВ**

ЧЕСНОК

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *Алексея Дурасова*

Орлов, Даниэль.

О-66 Чеснок / Даниэль Орлов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-091945-1

«Чеснок» Даниэля Орлова, названный Андреем Аствацатуровым «большим реалистическим романом, требующим неспешного чтения», охватывает время от перелома до перелома, от девяносто первого года до кануна страшных событий на Украине. Герои этой книги – однокурсники, молодые ученые. Любовь к профессии, любовь к природе Русского Севера, верность науке и юношеской дружбе помогает друзьям жить в сложное время, когда само русское общество потеряло ориентиры и только-только нащупывает смысл своего существования.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091945-1

© Орлов Д., текст, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕНЬ ШАХТЕРА

В День шахтера в Инте били таксистов. Эта была старая, привычная забава. Им припоминали все за истекший год: и несданную с рубля сдачу, и маршруты в объезд, потому что «там ремонт», и тройные тарифы новогодней ночи. Но, главное, им припоминали водку — ту, которой таксисты торговали круглый год, водку-самокатку, водку-паленку, водку по тройной цене, какую даже на пьяном углу никто не ломил, опасаясь, что шахтеры, не найдя на троих, от жажды спалят весь квартал.

Таксистов вылавливали у вокзала, где они, подняв стекла и не выключив двигатели, ежились от страха, но ждали клиентов с пассажирского Котлас — Воркута. Те, кто сидел в машинах, еще успевали дать по газам, не обращая внимания на колдобины и ямы в асфальте, цепляя днищем об их края с жестяным скрежетом и отчаянно давя на гудок. Но тех, кто беспечно или, хуже того, в надежде на пруху оставлял таксомотор на площади, а сам шел на перрон, поближе к прицепным ленинградским вагонам, где пассажир пожирнее, потому и навар с такого гуще, тех били сладостно.

Их забирали с перрона, клали ладони на плечи и с обеих сторон сжимали мускулистыми пальцами за-

сунутые в карманы руки. Их вели за здание вокзала, на заплеванной и зассанный пяточок в зарослях кустов и там молча проводили краткую красивую расправу, лупя по шее, отрывая рукава у кожаных курток и ворота крепкой фланели клетчатых пакистанских рубаш. Что говорить-то? И так все понятно. Понятно за что, понятно почему. Напоследок таксист получал по носу и потом, отплевываясь, сморкаясь кровью и сопя, долго топтался на небольшом пяточке в запахе мочи, собирая выпавшую из карманов мелочь, ключи и ломаные сигареты. Зачастую таксисты сами были бывшими шахтерами, вышедшими на пенсию или ушедшими с шахты по состоянию здоровья. Потому все понимали. И прощали. И зла на своих не таили. Об одном лишь они сожалели, что, пока они приводили себя в порядок и шарили среди мусора в поисках ключей от машины, по перрону, шаркая, прошли с тяжелыми чемоданами пассажиры прицепных ленинградских вагонов поезда Котлас — Воркута. Пассажиры прошли по перрону, скрылись в здании вокзала, появились из здания вокзала уже со стороны площади и сели в подошедший автобус.

1

Андрей попал в Инту в конце восьмидесятых и остался теперь уже, как думал сам, навечно. Северное небо врачевало, как врачевало до того сотни других несчастных. Оно буднично собирало молитвы, запечатывало в шершавые на ощупь конверты из крафтовой бумаги и отправляло дальше туда, где если и жил адресат, то никак не проявлял свое существование.

На зоне он провел только год, потом был переведен в колонию-поселение, в которой по попустительству

времени потерявшего власть над людьми, жил вовсе уже вольно.

Наслушавшись рассказов бывалых, начитавшись еще за время службы статей в «Огоньке», ждал он от заключения лютого человеческого бесстыдства. И когда на этапе попал под горячую руку мальчишек-конвойных, всего-то на полтора года младше его призывом, и лежал в проходе в луже собственной мочи из лопнувшего полиэтиленового пакета, прижав локти к животу и вжав голову в плечи, пока били пахнувшей гуталином кирзой, думал, что это только начало, и был готов смириться и уйти в такую глубину своей души, куда не долетают даже звуки орущих за сопками гусей. Но на зоне ему, против всех ожиданий, показалось спокойно и как-то справедливо. Эта почти математическая модель мироустройства, когда от каждого поступка протянута ниточка к последствию. И ниточки те видны, и морозным утром они блестят от инея, и на них, как на провода, может сесть малая таежная пичуга, чтобы чирикнуть что-то напоследок, перед тем как вовсе пропасть.

Бог милостив. Не подцепил он в колонии никакой лагерной бактерии, никакой болячки на душу, никакой подлости не совершил и по отношению к себе подлости не запомнил. Только когда уже выписали ему подорожные, и шел Андрей на станцию, чтобы взять билет до Пскова, лопнул внутри его маленький кулечек со слезами. Шел, наступая на тонкие прутьики карликовой березки и прошлогодние метелки иван-чая, напрямик по насыпи старой узкоколейки, проложенной от одного заброшенного лагеря до другого и пятый десяток лет после того дышащей в тундру разогретым дегтем. Шел и плакал. Должно было расpirать его от легкости и счастья долгожданной свободы, а нет, кололо

и мешало дышать шершавое и неудобное нечто под подкладкой куртки. И в том неудобном и маятном копилась не то самая жестокая казнь, не то будущая сила. За два часа дороги сказал он себе то, о чем последний год все чаще думал и на что никак не мог решиться. А перевалив через водораздел, посмотрев сверху на размазанный между сопок белесый плевков крыш Харпа, вместо станции спросил дорогу в здешнюю геологическую контору и договорился на сезон рабочим. И когда договаривался, уже знал, что сезоном дело не ограничится. Похоже, что придумывал он себе тогда новую жизнь, да и придумал.

После четырех месяцев работы «на камнях», как тут называли добычу поделочного камня для ювелирного и кустарного производства, Андрей получил щедрый расчет. Послушав других бичей, прыгнул в еле колготящийся мимо сопок дизель-подкидыш и отправился на сто десятый километр, откуда стартовали вездеходы, забрасывавшие буровиков в лесотундру, в долину Маркар-Рузь, надеясь уговорить начальника отряда взять рабочим на буровую. Но все буровые расчеты оказались укомплектованными даже сверх штата. Бичи — те, кто порезвее да поопытнее, — успели столкнуться еще весной. По всему Полярному Уралу в этом году партий на зимник отправлялось мало, а лимит на буровые работы срезали еще год назад, когда Андрей был «на химии». Бурили только на алмазы, но на алмазы сидельцев вроде как не брали. Многие подумывали о том, чтобы переплыть Обь и «заброситься» с Салехарда с местными партиями — по востоку Сибири и на Ямал. Рассказывали, что тамошнее управление получило квоту на сгущение сети и привлекает рабочую силу со всего Союза. Андрею идея не нравилась. Решил он все же попытать счастья в Кожыме, небольшом рабочем поселке

на участке дороги от Сейды до Котласа, возникшем, как и многие другие, на месте бывшего лагеря. Там, в Кожыме, располагалась база ВоГЭ — Воркутинской горной экспедиции, самой богатой и влиятельной конторы на всей этой огромной территории от Печоры и до Воркуты, от Усы и до Лабытнанги. Рассказывали, что раньше в Кожыме добывали кварц для отечественной электронной промышленности, но теперь промышленность пришла в упадок, а вместе с ней и поселок.

Андрей переночевал в котельной, куда его устроили случайные знакомцы, и на следующий день, не дожидаясь котласского, сел в дизель Лабытнанги — Сейда, полный такого же, как и он, кочевого народа, перемещающегося по кромке полярного круга в поисках, где бы чего заработать. В том поезде и поджидал его великий северный фарт. Чудом ли, Господним ли провидением, но оказался он в одном вагоне с самим начальником ВоГЭ — Егором Филипповичем Теребянко, возвращавшимся из инспекционной поездки по дальним отрядам, работавшим на западных склонах хребта Рай-Из.

Не случилось на северах человека более известного и уважаемого, нежели Теребянко. В ту пору ему только исполнилось тридцать шесть, но по хваткости, крутости нрава, а главное, по вдохновляемому постоянным трудом научному таланту походил он не на ровесников или коллег из других управлений, а скорее на легендарных покорителей Севера, именами которых названы улицы в городах вдоль полярного круга. Да и сам он любил повторять на собраниях коронную фразу, девиз: «Для Севера нужен человек, умноженный на два, и чтобы все остальное, кроме работы, торчало за скобками. Или так, или берите расчет и отправляйтесь в Крым сажать патиссоны». Эти патиссоны в Крыму появлялись

в его речи то и дело и служили символом никчемной жизни никчемного человека. Сама максима среди народа сжалась до лаконичного: «Или умножайся, или патиссоны сажай».

«Вы там про борт ничего не слышали? Нам перебрасываться надо. Третий день сидим, патиссоны сажаем, хрен тут умножишься», — хрипело в рации, висевшей на столбе в балке начальника отряда на горе Черной, где колол камень Андрей в свое первое вольное лето.

Андрей никогда раньше Егора не видел, но едва состав заскрежетал тормозами на станции Полярной, следующей за сто десятым километром, в вагоне зашептались: «Теребянко!», «Мужики, Теребянко к нам грузится».

А когда по проходу пошел высокий, светлоглазый и светловолосый человек, не по-северному гладко выбритый, с аккуратно постриженными висками, в выгоревшей до белого цвета куртке-энцефалитке с шевроном «Мингео СССР», называемом в народе «поплавок», к нему потянулись из всех купе:

— Здравствуйте, Егор Филиппович!

— Наше почтение, начальник.

— Товарищу Теребянко привет, милости просим к нам.

Приглашали все. Теребянко протянутые руки не пожимал, кивал сухо, иногда ронял «Здравствуйте» и бухал по проходу закатанными «под манжет» болотными сапогами, отыскивая купе посвободней.

Андрей ехал один. Он сидел у прохода, где гулял ветерок, и читал книжку, обернутую в газету, прислонившись к блестящей штанге для ступеньки.

— Не помешаю? — Теребянко, не дожидаясь ответа, снял с плеча звякнувший чем-то металлическим рюкзаком и положил на верхнюю полку.

— Да, пожалуйста, — Андрей потянулся и переставил на свою часть стола открытую банку «Завтрак туриста» и бутылку лимонада «Дюшес».

Теребянко покосился на банку, на лимонад, потом на Андрея, потом на книжку, протянул руку и поманил пальцем. Андрей отдал книгу.

— Ричард Диксон? «Пособие по английскому языку для начинающих»?

— Ез, ыт ыз, — угрюмо ответил Андрей.

— Сидел?

— Год на зоне и два химии.

— Статья?

— Сто шестая. Убийство по неосторожности. Условно-досрочное.

— Дорожно-транспортное? — Теребянко сощурился. Андрей кивнул.

— Образование?

— Среднее техническое.

— Специальность?

— Механизатор-тракторист, — четко выговорил Андрей и добавил: — Четвертый разряд.

— Сейчас куда?

— Отработал лето на Рай-Изе, теперь домой, к родителям, в Псковскую область, — зачем-то соврал Андрей. Он вдруг застеснялся своей неустроенности и того, что нет работы.

— Могу предложить ко мне — помбуром на зимний сезон. У меня некомплект. Пойдешь?

— Я на буровой не работал, думал, если устраивать-ся, разве что рабочим.

— Разберешься, если механизатор. Идешь?

— Иду, — улыбнулся Андрей.

— Ну и молодец! — Теребянко рассмеялся и протянул ладонь: — Егор, начальник здешней экспедиции.

С легкой руки начальника, все стали называть Андрея Англичанином. Прозвище прилипло так крепко, что даже в табеле, в который тот сунул нос, чтобы посмотреть, сколько ему полагается отгулов, не смог найти своей фамилии и лишь потом, в самом верху увидел: «Англичанин».

Проработал Андрей у Теребянко три сезона подряд, почти не вылезая из тайги. В общежитие для сезонников не устраивался. В короткие промежутки между вахтами жил в интинской гостинице, в номере на четыре человека со случайными людьми, по два раза в день балуя себя раскаленным душем. Почти все, что зарабатывал, отправлял родителям почтовым переводом. Оставлял себе по пятнадцать рублей в месяц, что хватало как раз на гостиницу да на сигареты. Выпивку Андрей не жаловал, потому на вахтах не страдал, а в промежутках не экономил. Ходил в экспедиционном облачении: энцефалитке с чужого плеча, ладных рабочих брюках джинсового покроя из палаточной ткани и туристических ботинках, из которых торчали полосатые гетры. Зимой добавлялся ватник-бушлат с воротником из искусственного синтетического меха и вязаная шапочка с козырьком, которую здесь почему-то называли «шлема» с ударением на последний слог.

Осенью следующего года, в конце сезона, когда начался массовый исход ленинградских и сыктывкарских партий геофизиков, Теребянко поймал Андрея на вертолетной площадке в Кожыме, где тот помогал выгружать ящики с керном из пузатого, воняющего горелым керосином «Ми-8».

— На вахту не намыливайся. Этот сезон пропустишь вчистую. Сейчас собирай манатки и рысью

на дизель до Инты, я договорился, тебя берут в тамошнее училище при комбинате. Документы твои уже прислали. Часть предметов зачтут плюс дадут общагу, стипендию. Весной выпустишься, оформлю тебя в ВоГЭ в постоянный штат буровым мастером по пятому разряду.

— Так, а как же ребята без помбура?

— Не твоего ума дело.

Андрей замаялся, вспомнив, что денег у него совсем не осталось, позарился давеча в универмаге на транзистор.

— Может быть, еще одну вахту? Я все деньги домой отослал и вот, — Андрей показал на «Альпинист», висящий на ремне. — Не удержался, купил себе музыку.

— Не обсуждается. У меня бичей хватает, мне специалисты нужны. Ерундой заниматься да музыку слушать всякий мечтает.

«Для этого на Севере делать нечего, езжай поливать патиссоны в Крым», — мысленно продолжил Андрей за Теребянко.

— Север такого не терпит, для этого вон, Крым. Хочешь бездельничать, езжай патиссоны поливать. Понял?

— Так точно, — по-военному ответил Андрей.

— Давай, Англичанин, успехов тебе, — Теребянко стукнул его легонько кулаком в грудь и широко зашагал в сторону балков, где жили ожидавшие заброску на гряде шурфовики. Он прошел по деревянным мосткам через ржавую грязь, изборожденную вездеходами, до края вертолетки, повернулся и крикнул:

— Зайди в бухгалтерию, скажи, что я просил тебе матпомощь на сорок рублей выписать.

— Не поверят, — прокричал в ответ Андрей.

— Но Теребянко уже не слышал, борт завел двигатель, и шум винтов разметал слова по тундре.

2

Секретарша, принимавшая от Андрея анкету, которую тот заполнил аккуратным мелким почерком, таким же, как у отца (он усиленно копировал этот почерк еще в школе), покачала головой:

— Если бы не Егор Филиппович, тебя бы не взяли. У нас ясное указание — с судимостью не брать. Мы подобный контингент стараемся спровадить с Севера, а вам здесь словно повидлой намазано. Готовы прямо у ограды лагеря поселиться. Это зачем? Чтобы время на дорогу потом не тратить, когда опять подсесть решите?

Андрей молчал.

— Или ты какой особенный, что сам Теребянко хлопчет? Родители, поди, важные? Из партийных секретарей? Номенклатура?

— Нет. Обычные родители.

— Отец механизатор, мать служащая, — прочитала секретарь в анкете. — Что значит, служащая? Где служит? Кем?

— В совхозном правлении, экономистом. Это важно?

— Все важно, когда абитуриент с судимостью. Борис Борисыч говорит...

Но что говорит Борис Борисович по этому поводу, Андрей уже не узнал. Дверь приемной отворилась, и вошел он сам, плотный, начинающий некрасиво лысеть чернявый мужчина в сером немодном костюме. Он бросил взгляд на Андрея и заулыбался.

— Краснов?

Андрей кивнул и встал.

— Прекрасно! Раечка, — он осекся, — Раиса Евгеньевна, выписывайте Краснову талон на поселение в общежитие и сами позвоните Семену, чтобы не ду-

рил и не совал парня на первый этаж, пока трубы не починит. Скажите, что я лично проверю, это серебрянковский кадр.

И уже опять обращаясь к Андрею:

— Как там тебя зовут? Аргентинец?

— Англичанин, — выдавил Андрей неожиданно склеенным голосом.

— Что за прозвище такое? В Англии был?

— Собираюсь, — Андрей прокашлялся, — если пригласят.

— Ну ладно. Экзамен по иностранному языку сдашь, может, и пригласят, — директор хохотнул, — по обмену опытом. Ну, будь здоров! И да, вот еще. В комнатах чтобы не курили там! Спалите общежитие, нам новое строить не на что.

В училище Андрей оказался самым старшим на курсе. Учебный год месяц как начался, и первокурсники успели друг с другом перезнакомиться. Многие и без того были знакомы, ходили в одну школу и жили по соседству. О его судимости, как и о том, что за него хлопотал сам Теребянко, прознали быстро. Сперва сторонились, как чужого, старшего и «с биографией», приглядывались, не станет ли буреть. Но Андрей держался с достоинством, на рожон не лез. Тогда местная шпана попыталась ради самоутверждения позадирать новичка, Андрей не реагировал. Лишь однажды поймал в узком коридоре возле столовой за локоть самого рьяного, сжал так, что у того слезы на глазах выступили и тихо, уверенно произнес: «Хватит». От него отстали.

Учился Андрей, как он сам это называл, «между этажами». Посещал какие-то уроки с первого, какие-то со второго курса, а все равно оказывалось, что возникает откуда ни возьмись свободное время, когда ни на одном, ни на другом курсе нет предметов, которые ему